

КНИГИ:
НОВИНКА НЕДЕЛИ

НЕ В ЖАНРЕ
ИДИЛЛИИ...

Т ЕМА книги А. Смелянского «Михаил Булгаков в Художественном театре» (издательство «Искусство») только на первый взгляд может показаться частной, специфической, рассчитанной лишь на «узких» специалистов. И дело не просто в нынешнем громадном интересе к жизни и творчеству.

Перед нами разворачивается чрезвычайно насыщенный и драматически изменчивый сюжет — от «предыстории» Булгакова-драматурга к непростым судьбам его лучших пьес и осмыслению им собственного опыта в «Театральном романе».

И каждая «глава» этой многолетней истории тоже изобилует и конфликтами, острыми столкновениями различных взглядов и интересов.

Последующая долгая жизнь «Дней Турбиных» на театральных сценах уже затуманила, затушевала — особенно для новых поколений зрителей — то кипение страстей, в которых пьеса родилась и утверждалась, временами даже на целые годы исчезая из репертуара МХАТа — и совсем не по «внутритеатральным» причинам.

Затуманила то, что для поколения Хмелева и Прудкина она стала в известной мере аналогом чеховской «Чайки» — спектаклем, который — вместо первоначально уготованной ему скромной роли «молодежного» — стал «переломным для судьбы театра и автора».

Ну с автором дело ясное, это его сценический дебют, притом совершенно оглушительный по степени возбужденных им страстей.

Но для МХАТа! Тут нас с читателем оторопь берет: мы так привыкли к мысли, что знаменитый театр неуклонно шел все «вперед и выше», а оказывается, что он долгое время в явственном (и вполне объяснимом бурным историческим переломом!) творческом кризисе и вообще не «снисходил» к начинающему драматургу, а благодаря его пьесе поднялся до «обжигающей правды пережитых и выстраданных дней».

Свершилось не просто рождение очередного драматурга, но и «кристаллизация» нового актерского поколения, омоложение театра; развеялись опасения, будто «старики» заканчивают мхатовскую историю.

Однако А. Смелянский не ограничивается триумфальными нотами, а показывает все богатство реально происходившего. И то, как самоотверженно потрудились театр над той «дымящейся лавой», которую первоначально представляла собой пьеса. И то, что в жару этой работы среди «отбракованного» оказывалось такое, что затем дало новые победы в следующих булгаковских произведениях.

«Это была не идиллия, — пишет об этом сотрудничестве исследователь, — а страстная художественная борьба...» И данное определение можно во многом распространить также на все дальнейшие совместные работы обоих героев книги — Булгакова и МХАТа, с той разницей, что там дело не доходило до апофеоза, равного «турбинскому». Не без горечи говорится в книге, что «писатель жил и служил в театре в ожидании праздника, которого он не дождался».

И все же книга отнюдь не уподобляется, если вспомнить слова поэта, «перечню взаимных болей, бед и обид».

Да, по иронии судьбы Станиславский, например, взялся за булгаковского «Мольера» в ту пору, когда его, увлеченного своими новыми теориями, репетиции больше не занимали, как их опытная проверка и увлеченная демонстрация, чем как непосредственная подготовка конкретного спектакля. Отсюда — ядовитые гротески «Театрального романа», но, как горячо заметила вдова писателя Е. С. Булгакова, «о любви к МХАТу, о том, что это был его театр, как он был его автор, — говорить не приходится, так ясно все это в романе».

Абсолютно прав А. Смелянский, по-моему, и тогда, когда проводит параллель между «Театральным романом» и давней традицией (увы, затем прервавшейся) капустников, во время которых «веселой ревизии и переоценке подвергалось все и вся, не оставалось ни одного «священного» уголка мхатовского хозяйства, куда нельзя было бы заглянуть «капустному» пересмешнику и пародисту».

Поистине знаменательно и то, что последней постановкой Немировича-Данченко, словно хотевшего исполнить старинный долг театра его автору, были «Последние дни», и даже то, как напустился великий режиссер на актеров, недостаточно проникшихся, по его мнению, трагедией поэта: «Вас мало разозлило, — гневался Владимир Иванович, — то, как относятся к Пушкину и дома, и во дворце, и в литературе. Вам мало, что затравили «солнце России», «солнце поэзии».

Не подогреты ли эти запальчивые тирады смутно терзающим воспоминанием о том, что в трудные для Булгакова годы, по словам исследователя, «мало кто в полной мере... сознавал, какого ранга писатель законан в мундир режиссера-ассистента?»

Читаешь эту книгу и благодарно думаешь, что она лишней раз дает ощутить «какого ранга» были оба ее героя — писатель и театр.

А. ТУРКОВ.